

РОМЕН РОЛЛАН. «ЖИЗНЬ ТОЛСТОГО»

Каждый, кто хотя бы немного знает жизнь Ромена Роллана, представляет себе и ту роль, какую в ней играл Толстой. Роллан был молодым парижским студентом, когда он, мучаясь глубокими сомнениями совести, колеблясь между искусством и этикой, написал письмо Толстому, письмо, которое, возможно, и не рассчитывало на ответ, так как важны были в сущности, не вопросы, – скорее, оно было исповедью и попыткой Роллана понять себя, откровением и криком о помощи. И тогда случилось нечто глубоко трогательное: старый, всемирно известный русский писатель посылает незнакомому ученику ответ, полный любви и тепла, подробный, встревоженный, утешительный ответ, послание на многих страницах. Это событие имело бесконечно важное значение в жизни Роллана. И лет десять тому назад, написав «Жизнь Толстого», он создал не просто книгу и не просто хорошую литературно-критическую работу, – его книга стала выражением глубокой благодарности, почтения и искренней любви, длившейся целую жизнь. То, что он смог написать такую книгу о Толстом, такую человечную, дышащую любовью, искренне живую книгу, отчасти явилось следствием письма, которое он когда-то получил

от Толстого. Ибо в том письме, адресованном молодому Роллану, Толстой предстает не только как великий художник и волнующий души проповедник, но и как добрый, отзывчивый, полный братской любви человек. Об этом и повествует книга Роллана – о человеке Толстом, о непрерывной, тяжелой борьбе его честной трудной жизни, в которой было, конечно, много мук и разочарований, много отчаяния и самоуничижения, но которой была абсолютно чужда ложь.

Между тем эта прекрасная книга не является чисто биографическим произведением, Роллан исходит исключительно из сочинений Толстого, причем ранних, и все они – «Казакки», «Война и мир» и «Анна Каренина» – шедевры литературы. Страницы, посвященные «Войне и миру», едва ли не прекраснейшие из всего написанного Ролланом. Радостно, читая его книгу, видеть, сколь многое может любовь! Видеть, как француз и тонкий ценитель искусств понимает русского, простодушно разгромившего искусство, как европеец и сторонник социализма проникает в мировоззрение восточного мистика, как он отдает ему должное, не цепляясь въедливо к его учению, но следуя за Толстым даже тогда, когда темперамент русского иконоборца бушует с неукротимой мощью; Роллан постигает и раскрывает для нас не отдельные тезисы или заблуждения, а самое внутреннюю жизнь Толстого;

читать Роллана – редкое, исключительное наслаждение.

Как бы явственно ни выражалось пристрастие Роллана к ранним шедеврам Толстого, он все же далек от расхожего взгляда, согласно которому религиозно-этическую публицистику русского писателя надо признать ошибкой, прискорбным увлечением гения чуждыми ему предметами. Это все еще широко распространенное у нас поверхностное мнение Роллан смело отвергает, благодаря чему находит свой путь, позволяющий ему, нежно любящему Толстого, по достоинству оценить и его поздние художественные произведения. Правда, мне кажется, в своем анализе «Воскресения» Роллан все же недостаточно подчеркнул капитальный художественный просчет этого романа, а именно тот, что его герой, Нехлюдов, исполняет миссию, которая ему явно не по силам. Здесь хотелось бы увидеть более глубокое понимание сложной психологии Толстого, а также хотя бы намек на двойственность русского писателя, вынудившую его наделить своими глубочайшими, выстраданными идеями и проблемами героя, которому в то же время явно недостает автобиографических черт. Ведь Толстой порой набрасывает свой автопортрет – это свойственно уже его ранним произведениям, – он словно бы боязливо показывается и сразу прячется, никогда не отождествляясь с каким-то персонажем полностью, но все же

стремясь вложить в уста героев свои собственные признания: это желание исповедаться и в то же время бегство от исповеди – не просто литературная игра Толстого, а ключ ко всей его психологии, коль скоро она кому-то представляется аномальной и эксцентричной.

Не недостаток понимания, а любовь и почтение помешали Роллану не только показать глубокую раздвоенность, глубокое страдание в жизни Толстого, но и дать им свое истолкование. В одном очень важном месте Роллан пишет, что Толстого с его пылкой потребностью любви перестала удовлетворять даже заповедь: «Возлюби ближнего своего как самого себя!» – так как даже в ней он ощущал привкус эгоизма. Но именно здесь проблема Толстого – не проблема ума и художественного гения, а болезненная проблема его личности: то, что истинную любовь к себе самому он находил с великим трудом и редко, тогда как исполнение заповеди любви к ближнему, даже если эта любовь требовала жертв и страданий, давалось ему легче.

Я коснулся того, чего мне не хватает в книге Роллана. Это не критика, да она и невозможна для меня – не таково мое отношение к этой великолепной книге; я хотел лишь наметить линию, высказать соображение. В остальном же могу только выразить свою радость, благодарность и желание, чтобы книга Роллана нашла широкое распространение. Иные из про-

блем, над которыми бился Толстой, в настоящий момент утратили актуальность, но они бессмертны и в жизни каждого человека могут в любое время вновь подняться во весь свой исполинский рост.

1922